

"МОСКВИТЯНИН" И ВСЕЛЕННАЯ

Западное государство можно выразить такою дробью 10/10, а наше десятичною.

(Погодин. 1 No "Москвитянина" sa I845)

В то время, как солнечная система, ничего не предчувствуя, спокойно продолжала свои однообразные занятия, а народы Запада, увлеченные со времен Фалеса в пути нехорошие, еще менее что-либо подозревая, продолжали свои разнообразные дела, совершилось втиши событие решительное: редакция "Москвитянина" сообщила публике, что на следующий год она будет выписывать иностранные журналы, приобретать *важнейшие* книги, что у ней будут новые сотрудники, "которые не токмо будут участвовать, но и примут меры"... Из этого можно было бы подумать, что до реформы журналы не выписывались, книги приобретались неважные и меры брались не сотрудниками, а подписчиками... Спустя несколько времени редакция успокоила умы насчет своего направления, удостоверяя, что оно останется то же, которое приобрело ее журналу такое значительное количество почитателей... Впрочем, арифметическая сумма читателей никогда не занимала "Москвитянина"; цель его была совсем не та: он имел высшую, вселенскую цель -- он собою заложил магазин обновительных мыслей и оживительных идей для будущих поколений Европы, Азии, Америки и Австралии, он приготовил втиши якорь спасения погибающему Западу. Гибнущая Европа, нося в груди своей черные пророчества А. С. Хомякова, утопая в бесстыдстве знания, в алчном себялюбии, заставляющем европейцев жертвовать собою науке, идеям, человечеству, ищет помощи, совета... и нет его внутри ее немецкого сердца, в нем одни слова -- аутономия, социальные интересы -- и слова, как видите, все иностранные. Но придет время, кто-нибудь укажет на дальнем финском берегу лучезарный "Маяк"... Тогда народы всего земного шара побегут к "Маяку" и он им скажет: "Идите на Тверскую, в дом Попова, против дома военного генерал-губернатора: там готово для вас исцеление, там лежат девственные, непочатые запасы в конторе "Москвитянина"...И народы придут на Тверскую и увидят, что против дома военного генерал-губернатора никакой конторы нет, а что она сбоку, подпишутся на "Москвитянина", узнают много, оживут и потолстеют.

Когда я получил новую книжку "Москвитянина" и увидел другую обертку с изящным видом Кремля, понял я, что редакция не шутя говорила о перемене... И -- как слаб человек! -- мне смерть стало жаль старого "Москвитянина". Что будет в новом, думалось мне, кто знает? Сотрудники не токмо будут участвовать, но и возьмут меры,.. А бывало, ждешь с нетерпением

как-нибудь в феврале декабрьской книжки, и знаешь наперед: будет чем душу отвести; верно, будет отрывок из "путевого дневника" г. Погодина... энергические фразы, изрубленные в куски: читаешь, и кажется, будто сам едешь осенью по фашинику. Детски милое, наивное воззрение г. Погодина на Европу казалось нам иногда странным, но не надобно забывать: он, как кажется, имел в виду дикие племена Африки и Австралии -- для них нельзя писать другим языком. Ну вот, например, шлегелевски глубокомысленные, основанные на глубоком изучении Данта, критики г. Шевырева не имели в тех странах далеко такого успеха, в них и Западу доставалось... а все не то! Бывало, королева Помара (как ее называет "Северная пчела") {Вместо Помарэ.}, как получит вселенскую книжку, только и спрашивает: "Есть ли дневник?" -- "Есть!" -- Она, моя голубушка, так и катается по полу (в Отаити это значит восторг) и посылает к Причарду за коньяком -- выпить за здоровье редакции. Оно, кажется безделица, а ведь это главная причина раздора между Причардом и капитаном Брюа*. Брюа -- моряк и думал, что еще более вселенский журнал "Маяк", а Причард склонен к пузеизму* -- словом, симпатизирует во многом с "Москвитянином"... Впрочем, все это было в газетах, и Гизо насчет этого успокоил Пиля: Помарэ согласилась кататься по полу и от "Маяка". В сторону политику -- бог с ней! Обратимся к "Москвитянину". "Все ли прежние сотрудники останутся?-- продолжал я думать, глядя на обертку с изящным видом Кремля.-- Останется ли г. Лихонин, переводивший Шиллерова „Дона-Карлоса“, кажется, прямо с испанского и переводивший прекрасные стихи графини Сарры Толстой на вовсе не существующий язык*-- по крайней мере в земной юдоли? Останется ли главный сотрудник, дух праведного негодования против европейской цивилизации и индустрии? {С чувством увидели мы потом в оглавлении именно двух прежних сподвижников "Москвитянина": поэта М. Дмитриева и философа Стурдзу.} А ведь одному "Маяку" не справиться со всем этим. "Москвитянин-père" {отец (франц.)-- *Ред.*}, что ни говорите, журнал был хороший: если б был кто-нибудь, кто его читал не в Отаити. а на Руси, тот согласился бы с нами. Чья вина? Кто ж не велит читать?" Издатель "Маяка" математически доказал в своем несравненном отчете* за пятилетнее управление современным просвещением: во-первых, что со всяким годом у него подписчиков меньше и меньше, так что за 1844 год язык не повернулся признаться в цифре; во-вторых, что это очень стыдно читателям, а не журналу. Еще раз, жаль прежнего "Москвитянина". Господа! помните, как он вдохновенно объявил, что мы спим, а он не спит за нас (иные думали, что мы именно потому и спим, что он не спит!)? Разумеется, в этом сторожевом положении иногда говорил он что попало, чтоб разогнать дремоту,-- человек слаб есть! Теперь его черед: пожелаем ему доброй ночи; пусть он спит легким сном: его не потревожат частые воспоминания. Воздав должную честь покойному "Москвитянину-père", обратимся к новорожденному "Москвитянину-fils" {сыну (франц.)-- *Ред.*} (живой о живом и думает) {Мы считаем обязанностью отделить от прочих частей "Москвитянина" теологическую его часть * -- она не входит в обзор наш.}.

Светская часть начинается стихами; тут вы встречаете имена Жуковского, М. Дмитриева, Языкова (какое-то предчувствие говорит нам, что в следующей книжке будут стихи г. Ф. Глинки и г. А. Хомякова). Рассказ г. Языкова* о капитане Сурмине трогателен и наставителен; кажется, успокоившаяся от сует муза г. Языкова решительно посвящает некогда забубённое перо свое поэзии исправительной и обличительной. Это истинная цель искусства; пора поэзии сделаться трибуналом de la poésie correctionnelle {исправительной поэзии (франц.)-- *Ред.*}. Мы имели случай читать еще поэтические произведения того же исправительного направления, ждем их в печати; это гром и молния; озлобленный поэт не остается в абстракциях; он указывает негодующим перстом *лица* -- при полном издании можно приложить адреса!.. Исправлять нравы! {Об этом стихотворении говорится в V части "Былое и думы" *. <Примеч. 1862 г.>}. Что может быть выше этой цели? Разве не ее имел в виду самоотверженный Коцебу и автор "Выжигиных" и других нравственно-сатирических романов?

Замечательнейшие статьи принадлежат гг. Погодину и Киреевскому. Статья г. Погодина "Параллель русской истории с историей западных государств" написана ясно, резко и довольно верно, даже в ней было бы много нового, если б она была напечатана лет двадцать пять назад. Все же она не лишена большого интереса. Если бы г. Погодин чаще писал такие статьи, его литературные труды ценились бы больше. Главная мысль г. Погодина состоит в том, что основания государственного быта в Европе с самого начала были иные, нежели у нас; история развила эти различия,-- он показывает, в чем они состоят, и ведет к тому результату, что Западу (т. е. одностороннему европеизму) на Востоке (т. е. в славянском мире) не бывать. Но в том-то и дело, что и на Западе этой односторонности больше не бывать: сам г. Погодин очень верно изложил, как новая жизнь побеждала в Европе феодальную форму, и даже заглянул в будущее*. Если б автор не затемнил своей статьи поясняющими сравнениями, большею частью математическими, своими 10/10 и 0,00001, примером о шарах*, свидетельствующим какое-то оригинальное понятие о механике, о линии и о бильярдной игре вообще, то она была бы очень недурна. Несмотря на славянизм, истина пробивается у г. Погодина сквозь личные мнения, и сторона, которую ему хочется поднять, не то, чтоб в авантаже была... Это -- надобно согласиться -- делает большую честь автору: "Шел в комнату -- попал в другую", но попал, увлекаемый истиною. Честь тому, кто может быть ею увлечен за пределы личных предрассудков.

Другая статья принадлежит г. Киреевскому: "Обозрение современного состояния словесности". Даровитость автора никому не нова. Мы узнали бы его статью без подписи по благородной речи, по поэтическому складу ее; конечно, во всем "Москвитянине" не было подобной статьи. Согласиться с ней однакож невозможно: ее результат почти противоположен выводу г. Погодина. Г-н Погодин доказывает, что два государства, развивающиеся на разных началах, не привьют друг к другу оснований своей жизни; г. Киреевский стремится доказать, напротив, что славянский мир может обновить Европу своими началами. После живого, энергического рассказа современного состояния умов

в Европе, после картины, набросанной смелой кистью таланта, местами страшно верной, местами слишком отражающей личные мнения,-- вывод бедный, странный и ниоткуда не следующий! Европа поняла, что она далее идти не может, сохраняя германо-романский быт; следовательно, она не имеет другого выхода, как принятие в себя основ жизни словено-русской? Это в самом деле так по исторической арифметике г. Погодина, что 10/10 не поместятся в 0,000001, а 0,000001 в 10/10 в случае нужды всегда поместится. Надобно быть слепым, чтоб не понимать великого значения славянского мира, и не столько его, как России; но отчего же Европа должна посылать к нам за какими-то неизвестными основаниями нашего быта -- так, как мы некогда посылали к ней за варяжскими князьями? Петр I, обращаясь к Европе, знал, видел, за чем обращается; но с чего же Европа, оживившая нас своею богатой, полной жизнью, пойдет к нам искать для себя построющую идею, и какая это идея, принадлежащая нам национально и с тем вместе всеобще-человеческая? Г-н Киреевский говорит, что теперь вопрос об отношении Европы к славянскому миру обратил на себя внимание Запада; да где же все это? Правда, что несколько брошюр появилось в Австрии и инде, но они так же мало занимают Европу, как пиетистические контroversы протестантских теологов, о которых с подробностью говорит автор. Самое сильное влияние славянского мира на Европу состоит в распространении польки: танцуют-то они по-словенски, да ходят-то по-европейски. Такого патриотизма я не понимаю, и особенно в том человеке, который за несколько страниц высказал эту превосходную мысль: "Общее стремление умов к событиям действительности, к интересам дня имеет источником своим не одни личные выгоды или корыстные цели, как думают некоторые. По большей части это просто интерес сочувствия. Ум разбужен и направлен в эту сторону. Мысль человека срослась с мыслию о человечестве -- *это стремление любви, а не выгоды*", и проч. Какое глубокое понимание! Вот когда бы истые славяне умели подобным образом понимать явления, тогда хульные слова на Европу не так легко произносились бы ими! Славянизм -- мода, которая скоро надоеет; перенесенный из Европы и переложенный на наши нравы, он не имеет в себе ничего национального; это явление отвлеченное, книжное, литературное -- оно так же иссякнет, как отвлеченные школы националистов в Германии, разбудившие славянизм.

Скажу вкратце о содержании остальной части журнала. Целый отдел посвящен апологическим разборам публичных чтений г. Шевырева* в виде писем к иногородним, к г. Шевыреву, к самому себе, подписанных фамилиями, буквами, цифрами; иные из них напечатаны в первый раз, другие (именно лирическое письмо, подписанное цифрами*) мы уже имели удовольствие читать в "Московских губернских ведомостях" (№ 2, января 13). Вообще, во всех статьях доказывается, что чтения г. Шевырева имеют космическое значение, что это зуб мудрости, прорезавшийся в челюстях нашего исторического самопознания. За этим отделом все идет по порядку, как можно было ждать а priori: статья о "Слове о полку Игореве", догадка о происхождении Киева, путешествие по Черногории и тому подобные живые, современные интересы; статья о сельском хозяйстве, может быть, и хороша, но

что-то очень длинна для чтения. Из западных пришлецов, составляющих *немецкую слободу* "Москвитянина",-- статья о Стефенсе* (он родился уж очень в холодной полосе и потому роднее нам) и интересная "Хроника русского в Париже"*. Историческая новость о том, как пытали и сожгли какую-то колдунью в Германии в 1670 году (уж этот инквизиционный, аутодафежный Запад!), точно будто взята из Кошихина или Желябужского.

Не ограничиваясь настоящим, "Москвитянин" пророчит нам две новости; из них одна очень утешительна... Первая состоит в том, что профессор Гейман *скоро* издаст химию, а вторая -- что пастор Зедергольм очень *долго* не издаст второй части своей "Истории философии"*

Кажется, довольно. Журнал будет выходить около 20 чисел месяца. Я ищу теперь в археографических актах ключа к этому и так занят, что кладу перо.